

Вызвавшись помочь с приведением дома Кемперов в порядок, чтобы мальчики могли в конце концов поселиться там, последнее, чего ожидала Корделия, - постоянного потока посетителей. На самом деле, она взялась за эту работу отчасти потому, что до тех пор, пока ее лодыжка полностью не заживет, ей было запрещено совершать даже короткие пешие прогулки, а ее мама, желая ей добра, продолжала приходить к ней с проверкой. "Проверка" обычно маскировалась под что-то другое: спрашивала мнение об ужине или приносила чашку чая, "потому что я заваривала его для себя", или под каким-нибудь другим совершенно безобидным предлогом, но Корделия знала, что это за внимание: леди Данетт хотела убедиться, что с Корделией все в порядке.

Когда Корделия совершила ошибку, пожаловавшись своей старшей сестре, Дана ответила резко и немилосердно. "Негодная девчонка! Ты слишком молода, чтобы помнить Чуму. Для тебя это история. Но я просто немного старше, и что я помню лучше всего, так это чувство неуверенности. Мы не планировали ничего, большого или маленького, дальше следующего дня, особенно веселых мероприятий, таких как вечеринки по случаю дня рождения, потому что было очень возможно, что человека там не будет, или он будет слишком болен, или что-то в этом роде. То, что мы планировали - это вероятность страшных событий, таких как нехватка припасов или необходимость переезда. У меня в комнате была собрана эвакуационная сумка. Мама дала ей какое-то глупое название, вроде "сумка для ночевки", но она знала, и я знала, что это такое: в ней было все, что я могла взять, если бы мне пришлось уехать куда-нибудь еще, потому что мама заболела, как заболел папа, или дядя Барт, или..."

Голос Даны затих, мягкий и напряженный, и она смахнула слезы с глаз, не осознавая, что они там были.

Корделия сделала глубокий вдох. "Прости. Я поняла. Посттравматический стресс. И я снова спровоцировала все это, едва не убив себя и Барнаби, и потому что я негодная девчонка, — она подчеркнула это слово, — которая не захотела включить тревожный звонок на случай падения." Она покачала головой. "Это была шутка, Дана! Конечно, я всегда включала его, когда был одна. Ты же знаешь!"

"Да?" Дана приподняла бровь, затем пожала плечами. "Ладно. Ты права; я действительно знаю, иначе я бы чувствовала себя ужасно, когда оставила тебя одну. Но ты уверена, что мама знала об этом?"

"Ну, я думала, что да", - сказала Корделия. "Но даже если бы это было так, я знаю, что это уже не смешно. И я знаю, маму преследует не только то, что произошло на самом деле, но и то, что могло бы произойти, как бы вы здесь удивлялись, почему я не пришла на ужин и пошла искать и..." Она выставила свою поврежденную лодыжку и представила заживающую плоть такой, какой она была, красной и сочащейся, представила себя всю такой, может быть, с вырванными глазами, проплешинами на голове или с торчащими костями. "Разве мама не знает, что каждый раз, когда она приходит провести меня, я снова чувствую себя виноватой за то, что так напугала ее? Я поняла. Мне жаль. Я больше не буду этого делать, но что я могу сделать?"

И Дана, потому что она была Даной, потому что она была разумной и понимала обе стороны, выдвинула предположение, что Корделия могла бы быть полезной в доме Кемперов. Леди Данетт согласилась, потому что она тоже была благоразумна и потому что знала, что ее средней дочери нужно немного побыть одной.

Поэтому Корделия стала проводить несколько часов в день на ферме Кемперов. Это было большое, беспорядочно построенное строение. Даже сегодня камень и древесину было гораздо легче достать на Сфинксе, чем сборные конструкции, особенно учитывая стоимость перевозки

и то, насколько стеснены в средствах были большинство сфинксиан. То, что она смогла импортировать так много своих геодезических куполов, было еще одним признаком богатства Глинис Бонавентуры. К счастью, антигравитация позволяла доставлять сырье для строительства прочных, добротных, удивительно красивых домов, изолированных массивными стенами как от холода, так и от монстров, которые рыскали в буше, и именно таким был фермерский дом Кемперов.

После того, как мальчики переехали жить к Шардт-Кордова, дом был вычищен и опечатан. Оригинальная мебель все еще хранилась на складе: безделушки и практичные товары были упакованы в коробки, потому что пустое строение не представляло такого большого соблазна для воров и вандалов. Хотя дом был под сигнализацией, леди Данетт настояла на визуальной проверке по крайней мере раз в неделю, ритуал, который, как теперь подозревала Корделия, был направлен как на то, чтобы сохранить связь Кемперов с их наследием, так и просто на заботу о недвижимости.

Теперь, когда Маку исполнилось восемнадцать, он захотел пожить немного в доме, который едва помнил. Как и многие старые дома на Сфинксе, дом Кемперов строился поэтапно. План состоял в том, чтобы открыть самую старую часть: кухню, ванную, гостиную, пару спален, а остальное оставить на потом, чтобы мальчикам не нужно было так много содержать.

Или быть в курсе всего пространства, которое их родители ожидали заполнить братьями и сестрами, которых у них никогда не было.

Корделия взяла на себя задачу сортировки по комнатам, начав с кухни, проверив, какие приборы нуждаются в замене или ремонте, вымыв поверхности и оценив, сколько краски и масла потребуется, чтобы освежить стены и деревянные полы. Это была хорошая, утомительная работа, и она думала, что даже в компании Атоса ей может стать одиноко.

Но, конечно, она обнаружила, что ее ожидание одиночества, к сожалению, было напрасным. И Мак, и Зак заглянули, хотя и исчезли, когда она предложила им взять щетку для мытья посуды, вместо того чтобы злорадствовать по поводу того, сколько места в кладовке. Герман Мэйе из МРАК заходил дважды за один день. В первый раз, чтобы убедиться, что никто не вломился в дом. Во второй раз, чтобы дать Корделии немного лишнего грибов Портобелло, чтобы она забрала их домой. Он появлялся и исчезал, почти не отвлекая. Затем Карл Зивоник заглянул поговорить с древесными котами. В отличие от мальчиков Кемпер, он знал, как болтать со щеткой в руке, что подняло его в глазах Корделии. Карл должен был вернуться сегодня, поэтому, когда Корделия услышала, как аэрокар заходит на посадку, она решила, что это либо он, либо Кемперы, и даже не подняла глаз.

Затем она услышала, как открылась и закрылась входная дверь. По коридору в сторону кухни раздались шаги, и она начала пятиться от шкафа, где раскладывала контактную бумагу на недавно очищенные полки, чтобы поприветствовать своего посетителя.

"Привет!" - начала она. "Я не..."

Она застыла, все еще стоя на четвереньках, обнаружив, что смотрит в удивленный и в чем-то хищный взгляд Фрэнка Камары. В его пальцах болтался пакет, и от него исходил земляной запах свежих грибов.

"Я постучал", - сказал он. "И вошел, когда никто не подошел к двери."

Корделия знала, что он солгал. Она прислушивалась, не раздастся ли стук, потому что стучать должен был Карл, в то время как мальчики Кемпер просто ворвались бы. Лежа на полу, она

чувствовала себя уязвимой и отрегулировала антигравитацию, чтобы подняться на ноги без необходимости переносить вес на лодыжку. Она перешла с костыля на трость, но нутром чувствовала, что не хочет выглядеть ни в малейшей степени неуклюжей. Однако, поднявшись на ноги, она небрежно обхватила пальцами длинную полированную ветку красной ели, которую ей подарила мать.

“Твоего отца, - сказала она слишком небрежно, - с тех пор, как мы строили дом и он сломал ногу”.

Теперь Корделия почувствовала странную храбрость, как будто ее мертвый отец стоял прямо у нее за спиной и шептал ей на ухо, говоря ей смотреть в лицо хулиганам, а не отступать.

“Если ты побежишь, они будут преследовать. Такова природа зверя, но посмотри им прямо в глаза, и они зададутся вопросом, не опаснее ли ты, чем они думали”.

Итак, Корделия встретила наглый взгляд Фрэнка. При этом она попыталась вспомнить, где Атос. Снаружи, подумала она, возился с камнями, что, похоже, доставляло ему удовольствие. Она не хотела совать нос в то, чем он занимался в свободное время. Это казалось слишком... антропологичным или что-то в этом роде, как будто Атос был чем-то, что нужно изучать, а не новым другом, который хвастался тем, что он делает, когда ему этого хотелось.

Высокомерная ухмылка Фрэнка сменилась насмешливым выражением, которое едва скрывало что-то вроде игры в кошки-мышки в его позе. На мгновение Корделия пожалела, что ее винтовка не лежит рядом с входной дверью вместе с ее уличными вещами, но затем она поняла, что если достанет пистолет, то просто покажет, насколько она напугана. Поэтому она выдавила из себя то, что, как она надеялась, прозвучало как непринужденный смех.

“Я тебя не слышала. Дядя Барт построил солидные стены, я полагаю”.

“Похоже на то”, - согласился Фрэнк. “Действительно солидный дом”.

Его язык быстро прошелся по верхней губе. Корделия боролась с дрожью. Что с ней не так? Она мало что знала о Фрэнке Камаре, но, конечно, даже он не стал бы ничего предпринимать. Он должен был знать, что она донесет на него, если он что-то сделает... Или сделал? В нем было что-то странное, слегка рассеянное. Она попыталась найти тему для разговора и указала на пакет, все еще болтающийся в его пальцах.

“Грибы? Это Герман прислал? Ты что-то покупал для своего отца?” Она удержалась, чтобы не добавить “Как в последний раз, когда мы тебя видели?” Она не хотела напоминать ему о той последней встрече, о резких словах, которые он сказал Стефани, и о раненых древесных котках.

“Грибы, да”, - эхом повторил Фрэнк, глядя на свою руку, как будто это было для него в новинку. “Грибы. От Германа. Он приготовил их, собирался принести, но я сказал, что окажу ему услугу. Я хотел посмотреть, как выглядит это место, проведать тебя, молодую девушку, совсем одну...”

На этот раз намек был недвусмысленным, но Корделия не могла ответить ему колкостью, даже если бы ей этого хотелось. Одно можно сказать наверняка: это был последний раз, когда она оставляла дверь незапертой.

“Ты тоже собираешься здесь жить? - спросил Фрэнк, все еще держа пакет с грибами, - с Маком и Заком? Это могло бы быть... забавно.”

Опять же, он не сказал ничего такого, чему Корделия могла бы возмутиться, но его интонация

превратила слова во что-то непристойное. Она почувствовала себя запятнанной его явно развратными фантазиями и задалась вопросом, краснеют ли ее щеки.

"Нет", - сказала она и обнаружила, что произнести этот единственный слог почти невозможно. Как она могла сменить тему, выставить его из дома, не доставив Фрэнку удовольствия понять, что он напугал ее? Это дало бы ему власть над ней, а больше всего на свете она этого не хотела.

Забытый пакет с грибами, который снова болтался в левой руке Фрэнка, натолкнул Корделию на мысль.

"Я лучше положу эти грибы в холодильник", - сказала она, выхватывая пакет из его ослабевших пальцев, прежде чем он успел подумать о том, чтобы усилить хватку. "Давай я позвоню Герману, чтобы убедиться, что делаю правильно. Мне бы не хотелось их испортить".

Она гордилась собой за то, что сумела придать своему тону деловитость, надела пакет на запястье и одним плавным движением достала свой уни-линк. Фрэнк слегка вздрогнул, как будто заснул стоя.

Давай, Герман. Ответь на мой звонок, в отчаянии подумала Корделия. Не включай автоответчик. Отвечай, отвечай....

Когда Герман ответил, Корделии пришлось постараться, чтобы ее голос прозвучал непринужденно. "Привет, Герман. Корделия. Я хотела поблагодарить тебя за то, что ты прислал..."

Фрэнк пошевелился, моргнул. Корделия едва ли понимала, что говорит, потому что Фрэнк, поняв, что они больше не одни, направился к двери. Она поплелась следом, умудряясь что-то болтать в ответ Герману, который давал ей какой-то рецепт. Затем Фрэнк вышел, пересек крыльцо, спустился по ступенькам к тому же аэрофургону, на котором ездил в прошлый раз. Корделия задвинула засов, затем поспешила убедиться, что кухонная дверь тоже заперта.

Герман, должно быть, услышал что-то в ее голосе, потому что остановился на середине объяснения, почему обжаренное сливочное масло так важно для придания аромата.

"С тобой все в порядке, Корделия?"

"Я в порядке", - солгала она. "Я услышала что-то на крыше. Мне нужно сбегать наверх и открыть окно для Атоса. Этот рецепт звучит заманчиво, но я не очень хороший кулинар. Можешь отправить мне его сообщением? Я бы хотела попробовать."

Герман выглядел очень довольным на крошечном дисплее уни-линка. "Я бы передал его тебе вместе с грибами, но Фрэнк ушел прежде, чем я смог..."

Что-то изменилось - совсем ненадолго - в голосе Германа, что-то, что заставило Корделию задуматься, ограничивал ли Фрэнк свои издевательства девушками со сломанными лодыжками, застигнутыми в одиночестве. Но, конечно, Фрэнк не мог запугивать Германа. Герман был взрослым. У него была ответственная работа. Фрэнку Герман был нужен как источник экзотических продуктов для семейного бизнеса, верно?

Она завершила звонок и настроила свой антигравитационный блок, чтобы подняться наверх и открыть окно - маленькое окошко - для Атоса. Как только оно открылось, древесный кот протиснулся в узкую щель и потерся головой о ее руку, громко мурлыча.

Корделия рухнула на подоконник, встроенный в толстую стену дома, и посадила Атоса к себе на колени. Только тогда, к своему удивлению, она начала дрожать, а затем разрыдалась.

* * *

Если у Камня Сердца и были какие-то сомнения в том, что его двуногая спутница молода, то ее стремление встать на ноги еще до того, как боль от ран исчезла из ее мыслесвета, было достаточным доказательством. Он заинтересовался, когда она отвезла их на одной из летающих вещей в, казалось бы, пустующее гнездовье вроде того, что двуногие построили для себя сами. Гнездовье, в котором она жила с группой двуногих, которые казались ему кланом, действительно было оживленным, особенно когда в гости приходили различные пришельцы, но он не думал, что там было так многолюдно, что Придающей Форму Жизни нужно было уйти в другое место.

Могло ли быть так, что она достигла репродуктивного возраста? Отсутствие у нее интереса к кому-либо из молодых самцов, посещавших гнездовье ее клана, заставило его подумать, что она молода для таких вещей, но, несмотря на его отдаленное наблюдение за кланом Придающей Форму Жизни в те сезоны, когда он собирал ненужные им вещи, Камень Сердца не считал себя экспертом в области двуногих. Ему хотелось бы спросить Лазающего Быстро, двуногий которого тоже казался молодым, но этому не суждено было случиться. Ему нужно было самому разобраться в потребностях Придающей Форму Жизни. Его любопытство, которое угасло после смерти Золотоглазой, было подстегнуто загадкой о двуногих и о том, почему они делали то, что делали, еще до того, как он связался с Придающей Форму Жизни.

Ему было интересно, как его новые друзья называют его спутницу жизни, потому что он был уверен, что они уже дали ей имя. Его имя для нее олицетворяло не только новую форму, которую она придала его жизни, но и связь с его собственным прежним именем, поскольку он представлял, что она превратит его во что-то полезное и даже красивое, точно так же, как он формировал кремь.

В первый день, когда они прибыли во Второе гнездо, убедившись, что в пустом гнездовье или его ближайших окрестностях нет ничего опасного, Камень Сердца взобрался на одно из раскидистых деревьев с золотыми листьями, окружавших гнездо, забравшись достаточно высоко, чтобы спастись от зловония различных жидкостей, которые разливала Придающая Форму Жизни, и растирая их по всем поверхностям, только для того, чтобы смыть их большим количеством воды и приложив еще больше усилий. Здесь он мог продолжить работу над каменным ножом, который делал для быстрого восхождения, не оставляя острых каменных осколков там, где они могли бы порезать нежную кожу его подруги.

Камень Сердца прислонился спиной к стволу дерева, любясь своим недавно законченным проектом, когда еще одна летающая вещь опустилось на ровную площадку рядом с гнездом, которое было назначено ими ночлегом. Еще до того, как летающая вещь извергла из себя двуногих, Камень Сердца узнал вонь мыслесвета молодого человека мужского пола с их первой короткой встречи в Богатой Земляной Роще. Он встопорщил шерсть и отложил только что законченный нож в сторону, думая, что спрыгнет вниз и войдет в гнездо, когда Придающая Форму Жизни подошла, чтобы открыть откидную створку, закрывавшую вход.

Чего Камень Сердца не учел, так это того, что молодой самец — Вонючка, как он думал о нем, — отодвинет створку и сам войдет в гнездо. До этого момента единственными, кто входил, не стуча в створку, были члены клана Придающей Форму Жизни. Встревоженный, Камень Сердца так быстро спустился по стволу дерева, что некоторые из его ценных инструментов упали вниз. Он оставил их, чтобы забрать в будущем.

Следующие мгновения, какими бы короткими они ни были, были очень тревожными. Он испытал, как Придающая Форму Жизни сначала была поражена, а затем испугалась. Камень метался от точки к точке гнезда, ища вход, при котором ему не пришлось бы ничего ломать. Он знал, что сделает все возможное, чтобы сломать любую часть гнезда, какую только сможет, если угроза для нее выйдет за рамки страха. Даже чувствовать, что она сдерживает страх, было почти больше, чем он мог вынести. Если бы он не был пожилой особью и к тому же раненым, он, возможно, попытался бы прорваться сквозь стены. Но Камень Сердца был старше, и он слишком хорошо знал, что страх был вестником опасности, а не самой опасностью. Если источником страха Придающей Форму Жизни был Вонючка, то пугающий Вонючка мог высвободить ту самую угрозу, которой боялась Придающая Форму Жизни.

Когда Вонючка ушел, Камень Сердца стоял на страже, пока не убедился, что летающая вещь определенно покинула этот район, а не просто рыскала вокруг в поисках другого подхода. Когда он это сделал, он услышал, как крышка одного из небольших верхних отверстий в гнезде с треском открылась, и Придающая Форму Жизни тихо позвала. Она часто издавала один и тот же звук, и он все больше и больше убеждался, что это ее имя для него.

“А-тос” значило для него не больше, чем брачная песня пикокрыла или щебетание коршуна, но все равно согревало его. Он бросился на этот зов, проскользнул в проем и прижался к Придающей Форму Жизни, мурлыча так, как когда-то мурлыкал, успокаивая своих котят, когда они были напуганы завываниями ветра во время ранней снежной бури. Придающая Форму Жизни была очень храброй двуногой, несмотря на то, что была молода, и вскоре ответила на его мурлыканье звуками из рта. Он был озадачен, когда понял, что как только ее страх прошел, она начала испытывать страх другого рода, защитный. Учítывая, как сильно она сжимала его (хотя всегда заботилась о его заживающих ранах), он понял, что она боялась за него. Камень Сердца почувствовал, что каким-то образом она почувствовала облегчение от того, что он не был достаточно близко, чтобы противостоять Вонючке. Хотя он был рад, что она не почувствовала, что он не мог защитить ее, он также полагал, что это подтвердило его предположение о том, что Вонючка мог представлять некоторую угрозу для Придающей Форму Жизни.

В конце концов, они вернулись в нижнюю часть гнездовья, и Придающая Форму Жизни закончила работу, которую она выполняла до прибытия Вонючки. По ее настоянию Камень Сердца вышел на улицу, но она сразу показала ему, где оставила одну из створок поменьше, чтобы он мог приходить и уходить, когда пожелает, не впуская внутрь непогоду.

Он рылся в переноске под золотым листом в поисках оброненного им давяльного устройства, когда услышал звук приближающегося другого летающего предмета. В этом, однако, были веселые мыслесветы Лазающего Быстро и Личности, которую Камень Сердца решил назвать Острым Взор из-за его явно острого зрения и склонности замечать детали, которые другие могли пропустить, даже их двуногие. Он был рад. Придающая Форму Жизни была бы рада сейчас друзьям, и по возбуждению в мыслесветах двух его новых друзей из Народа он мог сказать, что есть что-то, чем они хотят с ним поделиться. Он подумал, что это может быть пучковый стебель, но, возможно, это было какое-то другое угощение.

Спрятав свои инструменты в сетку для переноски, Камень Сердца скользнул внутрь гнезда, чтобы быть рядом с Придающей Форму Жизни, когда она поймет, что у нее гости. Когда прозвучал звонок у входной двери, он почувствовал вспышку паники в мыслесвете Придающей Форму Жизни. Он ободряюще замурлыкал ей, затем спрыгнул вниз и повел ее, высоко подняв хвост, к входной двери. Он услышал, как она издала мягкий, низкий звук удовольствия, который, как он начал думать, был эквивалентом смеха Народа, затем какие-то звуки ртом. Затем она поднялась, чтобы последовать за ним, прихватив с собой тяжелую палку, которую

иногда использовала, чтобы уменьшить давление на поврежденную лодыжку.

У входной двери она потратила время на осмотр снаружи, прежде чем открыть различные предметы, которые, должно быть, предназначены для того, чтобы помешать кому-либо войти без разрешения. Она издала радостный звук, когда увидела, что среди них был молодой самец, которого принял Острый Взор и молодая самка Лазающего Быстро. В их мыслесветах было замешательство от реакции Придающей Форму Жизни, затем появилось беспокойство, когда она издала звуки ртом в их сторону.

Мыслесветы Лазающего Быстро и Острого Взора также содержали замешательство и озабоченность, сопровождаемые легким оттенком разочарования. Камень Сердца был уверен, что они пытались спросить его, что произошло, только чтобы вспомнить, что он был глух к их мыслеголосам. Однако за этим не последовало ни капли жалости, которую ненавидел Камень, только теплое принятие. Он задавался вопросом, не тот ли факт, что Лазающий Быстро и Острый Взор оба были разведчиками, - призвание, требующее определенной степени приспособляемости, - заставил их так быстро принять его ограниченность.

Вместо этого Лазающий Быстро прыгнул с того места, где он сидел на своей двуногой, и совершил быстрый, короткий прыжок в направлении золотого листа, который, как он знал, был любимым насестом Камня Сердца. Камень Сердца остановился, неуверенный, стоит ли ему покидать Придающую Форму Жизни. Но, несмотря на то, что она издавала быстрые звуки ртом, обращаясь к своим друзьям, она не упустила того, что происходило с этими тремя особями. Она снова издала радостный звук, затем последовал прогоняющий жест, который было легко понять. Камень Сердца решил, что примет ее предложение. Он еще не очень хорошо знал этих двух двуногих, но оба их мыслесвета излучали силу и решимость. Маленькая самка очень яростно кричала на Вонючку, когда они столкнулись с ним раньше. Если бы у нее была шерсть на загривке, она бы наверняка ее встопорщила. Придающая Форму Жизни была бы в безопасности с этими двумя и, возможно, даже легче расслабилась бы, если бы не догадывалась, как заботился Камень Сердца о ее душевном спокойствии.

Возможно, я назову маленькую самку Яростным Бойцом, потому что, что бы еще в ней ни было — а в ее сиянии разума есть блеск, поразительный для того, кто мыслеслеп, - она является и тем, и другим. Как назвать мужчину? Решительный Защитник кажется правильным. Я думаю, он менее вспыльчив, но я бы не хотел быть Клыкастой Смертью, напавшей на его клан.

Довольный решением, которое, наконец, дало ему подходящие имена для друзей Придающей Форму Жизни, Камень Сердца мяукнул согласие с предложением Лазающего Быстро, а затем прыгнул вперед, чтобы отвести их в свое маленькое гнездышко, что было бы вежливым при приеме гостей.

Как только они удобно устроились, он полез в щель в стволе золотого листа, где хранил свои последние поделки. Кремня, который дал ему Лазающий Быстро, оказалось достаточно, чтобы сделать лезвия для двух ножей. Их он насадил на рукояти, сделанные из оленьих рогов, которые он собрал в те, казалось бы, далекие дни, когда еще не встретил Придающую Форму Жизни. Он заканчивал полировать их незадолго до появления Вонючки.

Еще до того, как он стал жить с Придающей Форму Жизни и ее кланом, Камень Сердца обратил внимание на множество инструментов, созданных двуногими, чтобы компенсировать отсутствие клыков и когтей, включая ножи, один из которых он нашел почти не поврежденным и теперь использовал сам.

У двуногих были и другие ножи, на которые ему не терпелось взглянуть поближе. Эти

выглядели как рукоятка без лезвия, пока двуногий что-то не сделал, чтобы они ожили. Затем раздалось жужжание, и эти ножи без лезвий резали лучше, чем кремнь или обсидиан, или даже тот чудесный материал, из которого был сделан нож, спасший его. Хотя Камень Сердца сам не был свидетелем подобного за то короткое время, что прожил с двуногими, он предположил, что двуногие тоже будут использовать свои ножи в качестве оружия, особенно в те моменты, когда их грозные громовержцы могут быть неуместными или чрезмерными.

Наоборот, Народ использовал ножи как режущие инструменты, а не как оружие. Ни один простой нож не мог соперничать по остроте с когтями Личности, но когти были короткими. Часто требовалось что-то более длинное, и хотя при необходимости можно было рвать зубами, это было грязно, а растительные продукты часто были довольно ужасными на вкус. Таким образом, ножи были полезны, хотя и не были абсолютно необходимы.

Когда Лазающий Быстро подарил Камню Сердца кусок кремня несколькими днями ранее, Камень Сердца был озадачен, почему разведчику, у которого наверняка был доступ к ножам не из камня, понадобилось что-то сделанное из камня. Но потом он почувствовал решимость в мыслесвете Лазающего Быстро и был польщен осознанием того, что Лазающий Быстро ценит работу Камня Сердца за ее красоту, а не просто за полезность. Поэтому, изготавливая эти ножи, он очень заботился о том, чтобы отслаивание было симметричным, а рисунок лезвия ножа также подчеркивал красоту кремня.

На этот раз Камень Сердца был рад, что не может мысленно говорить, потому что у него наверняка возникло бы искушение сказать что-нибудь извиняющееся, поскольку он определенно не практиковался. В то же время он верил, что проделал хорошую работу. Мимолетно он подумал, не понравится ли Придающей Форму Жизни каменный нож или, возможно, что-нибудь, что можно было бы повесить на мочки ушей или на шею в качестве украшения, как это делали Личности с ее помета, когда выходили в наружу.

Лазающий Быстро, и Острый Взор замяукали от удовольствия, когда он протянул им ножи рукоятку вперед, как это было принято. Они похлопали своими настоящими руками в жесте, который выглядел одновременно странным и странно знакомым, пока Камень Сердца не понял, что они заимствовали жест, который двуногие делали, когда были довольны или взволнованы.

Интересно, подумал Камень Сердца. Нам, Народу, не нужны жесты, потому что мы можем читать мысли друг друга, но даже если звуки, издаваемые ртом, действительно являются своеобразной формой общения, жесты усилили бы их, возможно, придали бы эмоциональное наполнение.

Как и в месте исцеления, когда он еще едва осознавал свою новую связь с Придающей Форму Жизни, Камень Сердца поймал себя на том, что задается вопросом, как он мог бы узнать больше о том, как двуногим удавалось понимать друг друга. Звук сам по себе был бы очень ограничивающим, и работал бы только в пределах слышимости.

Неудивительно, что Придающая Форму Жизни была так напугана, когда Вонючка преследовал ее. В отличие от Личности, она не могла позвать никого в пределах досягаемости, как это сделал бы Вонючка, если бы он был Личностью. Они такие хрупкие, такие изолированные, бедные котята.

Он очнулся от своих размышлений, когда понял, что Лазающий Быстро легонько постукивает кончиком хвоста по одной из своих настоящих ног. И снова Камень Сердца был поражен тем, насколько двуногим был этот жест. Личности не нужно было бы привлекать внимание другой Личности прикосновением.

“Блик?” Камень Сердца показал, что он понимает, что Лазающий Быстро хочет его внимания.

Прежнее возбуждение Лазающего Быстро снова затопило его мыслесвет. Поднявшись на свои истинные ноги, он повернулся, тщательно ориентируя свое тело, а затем поднял обе истинные руки и ступни, чтобы указать в том же направлении, в котором он наклонил нос. Зоркий Взор повторил за Лазающим Быстро, затем Лазающий Быстро спрыгнул с золотого листа и запрыгнул на верхушку спящей летающей вещи. Там он повторил, осторожно указывая на то же направление. Затем Зоркий Взор поднялся на свои настоящие ноги и замечательно изобразил Придающую Форму Жизни, прогоняющую троих Личностей развлекаться.

Лазающий Быстро и Зоркий Глаз хотят, чтобы я куда-то отправился с ними. Куда-то, куда мы можем попасть, используя летающую вещь, так что это не просто для того, чтобы увидеть какую-нибудь местную диковинку или поохотиться на вкусного древесного прыгуна.

Камень Сердца почувствовал, как внутри него поднимается буря эмоций. Он не был дураком. Он знал, что лежит в том направлении: Яркая Вода, клан, который он покинул. Лазающий Быстро и Острый Взор спрашивали его, не хочет ли он отправиться в Яркую Воду, указывая на то, что двуногие могли бы сократить огромное расстояние между этим местом и землями клана с помощью своей штуки.

Пойти с ними к Яркой Воде? Не пойду. Я оставил ту жизнь позади. Во второй раз за сегодняшний день я счастлив, что мне не нужно говорить. А пока пусть они верят, что я не хочу бегать по лесу, когда Придающая Форму Жизни выбита из колеи.

Но он подумал, что, несмотря на то, что он указал, где находится Придающая Форму Жизни, и обернул свой хвост вокруг пальцев ног, их не одурачить. И он не думал, что на этом их просьбы закончатся. Но он продолжит отказываться. Он был рад за своих новых друзей, но пути назад не было ни для него, ни для семьи, которую он покинул, потому что не мог вынести их жалости.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/80705/2469903>